ОТ АВТОРА: ***Роман «Посланник» — мой первый в жизни роман, написанный по заказу «Новой газеты». Это не детектив, не эротическая и даже не любовная драма. Честно говоря, я сам не знаю, что это такое... Роман — и роман: хорошее слово. Главный герой его постоянно мечется между Богом и дьяволом и весьма реально ощущает на себе воздействие этих сил. Вот, скажем, позвали его работать на телевидение, а тут — на тебе! — снится ему сон, будто видит он прямой репортаж с распятия Иисуса Христа. Приснится же такое!***

Полностью роман «Посланник» выходит в издательском центре «Деловой экспресс» и в ближайшее время поступит в книжные магазины

Андрей МАКСИМОВ

Новая газ. — 2001 — 18 апр. — с 12–13.

НАШ МИКРОФОН УСТАНОВЛЕН НА ГОЛГОФЕ

Глава из романа «Посланник» — о телевидении и Боге

По съемочной площадке бегал Режиссер — солидный немолодой человек с копной седых волос. Зрение у Режиссера, видимо, было не очень хорошее, и потому он все время прищуривался.

— Свет проверили? — орал Режиссер осветителям. — Репортеров ко мне! — кричал он репортерам, которые столпились вокруг и смотрели на него жадными глазами. — Чтоб ничего не упустить, ничего! Сегодня вся Иудея прильнет к экранам телевизоров! У нас должен быть сумасшедший рейтинг, и тогда первосвященник Каифа прибавит всем жалованья!

— Ура! — закричали репортеры и умчались с микрофонами, как с ножами, наперерез,

Следом за ними бежали операторы, потрясая камерами.

Ввели четырех преступников.

И Он стоял среди них. Он ничем не отличался от остальных, разве что избит был сильнее прочих. И еще. В глазах троих мерцали страх и смирение, в Его глазах жили усталость и свобода. Трое были рабами, а Он — свободным.

«Синедрион не простил Ему этот взгляд. Таких глаз я никогда не видел, никогда в жизни», — подумал Режиссер и решил дать команду операторам снять Его крупный план.

Но понял, что не может этого сделать. Было совершенно ясно, что камере не следует смотреть в Его глаза.

Впрочем, времени на посторонние раздумья у Режиссера уже не оставалось: своей шаркающей походкой на середину площади вышел Понтий Пилат и обратился к народу:

— Народ, завтра — пасха у нас. По вашему обычаю я должен одного из преступников освободить. Вам решать — кого из них отпустить!

Он еще не успел договорить, а народ закричал — слаженно и громко, будто не тысячи ртов, а один ответил прокуратору:

— Варавву! Отпусти Варавву! Свободу нашему защитнику Варавве!

Режиссер видел, что громче всех кричали зилоты — эти безумные борцы за свободу против римских оккупантов. Варава был одним из их предводителей. Разумеется, они хотели освободить его.

Остальной народ, как всегда, поддерживал большинство. В принципе им было все равно, кого освободит сегодня пятый римский прокуратор Иудеи, Самарии и Идумеи. Но раз так много людей требуют: «Освободи Варавву!» — отчего б не присоединиться к ним?

Тем более Варавва — мощный, красивый и, главное, понятный. Настоящий воин. А Этот, про Которого сейчас спрашивает Пилат, — Странный такой, Неясный... Он вообще Кто такой? Никто точно не знает. Говорят, царем себя Иудейским называет. А по какому, собственно, праву? От Вараввы хоть понятно, чего ждать — эка невидаль: убил, ограбил — кого этим нынче в наших краях удивишь? А чего от Этого ждать — непонятно. Известное дело: когда не знаешь, чего ждать, то ожидаешь всегда самого худшего.

— Распни Его! Распни!

А Он, избитый, израненный, шатающийся от усталости, а более — от предвкушения тех мук, которые еще предстоит перенести, стоял, подняв голову. Трое опустили свои головы, а Он — нет.

Пилат показал на Него рукой:

— Я не вижу никакой вины за этим человеком.

И снова заорала толпа:

— Распни Его! Распни! — кричали одни.

— Свободу Варавве! — кричали другие.

Но появились уже и третьи — те, кто орал во все горло:

— Свободу Иудее! Никакой власти, кроме власти закона! Никакого царя, кроме Бога!

«Чего ж мои ребята к ним не бегут?» — только и успел подумать Режиссер, как с радостью увидел, что самый молодой репортер вытащил из толпы одного зилота и поставил перед камерой.

Зилот глупо улыбался и переминался с ноги на ногу так, словно очень хотел в туалет.

«Странная эта штука — телевидение, — подумал Режиссер. — Камеры почему-то все боятся. Отчего это люди стесняются демонстрировать себя другим, будто это самой природой заложено в человеке: подозревать, что он не так хорош, чтобы другим нравиться? Вот зилоты... Казалось бы, храбрые ребята, с пятью врагами справиться — это для них не проблема, а тоже камеры боятся».

Журналист уже начал свой репортаж, и Режиссеру снова пришлось отвлечься от мыслей — на работу.

— Как вы знаете, — сообщил репортер то, что действительно все знали, — сегодня происходит традиционная предпасхальная казнь. Именно сейчас, в эти минуты, буквально на наших широко раскрытых глазах пятый римский прокуратор Иудеи, Самарии и Идумеи Понтий Пилат решает вопрос: кого помиловать. Но решает не сам, а, как и положено мудрому правителю, советуясь с народом. В нашей сегодняшней программе народ представлен простым жителем страны. Как вас зовут, простите?

Зилот потянулся к микрофону. От волнения он замялся, будто забыл собственное имя.

У журналиста не было времени ждать его ответа, да и какая, в сущности, разница, как зовут того, кто представляет народ?

— Спасибо, — поблагодарил репортер зилота неизвестно, правда, за что. — И все-таки как вы считаете: кого должен сегодня помиловать прокуратор?

Зилот, поняв, наконец, что говорить нужно быстро, затараторил:

— Варавву, конечно! — зилот для убедительности потряс копьем, не выпуская, впрочем, микрофона из рук. — Варавва — воин. А воин должен быть свободен. А Этот, Который проповеди говорит, — должен быть распят. Это гуманно.

Такой вывод смутил молодого репортера, и он спросил удивленно:

— Почему?

— Так, если Он — сын Бога, Бог Его спасет. За сына кто ж не заступится, правильно? А за Варавву нашего заступиться некому. Правильно?

И он закричал в микрофон:

— Свободу Иудее! Никакой власти, кроме власти закона, и никакого царя, кроме Бога!

Понтий Пилат меж тем устал убеждать толпу не убивать безвинного человека.

Он подписал указ и умыл руки.

Тут же, каким-то непостижимым образом прорвав охрану, к прокуратору подбежала девушка-репортер:

— Вот вы только что подписали указ о помиловании одного из трех преступников. Мы все видели, что вы это сделали под нажимом общественного мнения. Нашим зрителям было бы чрезвычайно любопытно узнать: что вы чувствуете в этот момент?

Пилат так посмотрел на девушку-репортера, что она даже присела от его взгляда.

Потом бросил через плечо:

— Дайте ей тридцать плетей!

К Пилату подбежал начальник его охраны и прошептал на ухо:

— Прокуратор, осмелюсь доложить: все телевизионщики — люди Каифы. Начнутся пересуды, разговоры о том, что ты зажимаешь прессу. В общем, много неприятностей из-за одной дуры. Стоит ли?

Пилат вздохнул:

— Ну раз так, скажи ей что-нибудь от моего имени.

Начальник охраны взял микрофон и сказал, спокойно глядя в камеру:

— Пятый прокуратор Иудеи, Самарии и Идумеи Понтий Пилат просил передать всем телезрителям, что воля народа для него — священна. И раз народ решил отпустить Варавву, значит, так тому и быть.

Сутулившись, низко опустив голову, уходил к себе Понтий Пилат.

«Только Каифа, Пилат и я понимаем, что происходит сегодня, — подумал Режиссер. — Только мы, пусть не до конца осознаем, но чувствуем. Три человека — это, впрочем, не так уж мало».

А Он стоял среди человеческого гвалта абсолютно одинокий. Не было и не будет на земле человека более одинокого, чем Он в этот миг. Более одинокого на Земле, оберегаемого Высшей силой.

Ни свет прожекторов, ни гвалт людей — ничто не задевало Его. Смотрел Он внутрь себя, и, казалось, нет такой силы, которая могла бы сломать или изменить Его взгляд.

Освобожденный Варавва шел в гуще народа, пожимая всем руки и небрежно бросая направо и налево:

— Спасибо. Мы победим. Спасибо. Мы победим.

Народ ликовал.

Мощный репортер сумел пробиться сквозь толпу и обратился к Варавве:

— Что вы чувствуете в этот исторический момент?

— Справедливость восторжествовала, и мы победим! — крикнул Варавва.

Толпа поддержала его диким, истошным воем.

— Свободу Иудее! — крикнул Варавва, не подозревая, что мудрый Режиссер уже выключил его из эфира.

Режиссер поманил пальцем низенького лысого репортера.

— Почему до сих пор нет ни одного интервью с Его учениками?

— Так они все отказываются... Плачут, молятся и не хотят ни с кем говорить.

— Тогда найти немедленно Иуду из Кириафа. Я убежден, что он согласится дать интервью.

Получив задание, репортер исчез в одну секунду.

«Хорошие они ребята, мои репортеры, — подумал Режиссер. — Перспективные. Эх, как важно и им, и мне, чтобы у сегодняшней программы был высокий рейтинг. Как это важно!»

Процессия вышла из крепости Антония и направилась на Голгофу.

Ничем не выделялся Он среди остальных — так же, как и все, нес Свой крест на Себе.

Режиссер вдруг понял: когда смотришь на эту трагическую процессию, видишь только Его. Смотришь на всех, а видишь Его.

Режиссер готов был поклясться: то же самое происходит со всеми. Даже с теми, кто громче всех ревел: «Распни Его! Распни!»

Вновь появился Пилат и, показывая на Него, сказал:

— Вот человек.

Тут же, как из-под земли, возникла девушка-репортер:

Рисунок С. АРУХАНОВА

— Означает ли это ваше высказывание, что вы сожалеете о своем решении освободить Варавву? И еще: что вы чувствуете в этот момент?

Пилат подозвал начальника охраны:

— Я устал от Каифы. Я устал от синедриона. Мне кажется, что я уже очень устал от телевидения, — он показал на девушку. — Пятьдесят плетей.

— Но... — начал начальник охраны.

— Я устал, — только и сказал Пилат.

Уже уходя, прокуратор увидел, как начальник охраны что-то сказал девушке, та сначала покраснела, потом побелела, потом опрометью умчалась.

«Неужели телевидение даже сильнее меня?» — подумал прокуратор, хотя хотелось ему думать совсем о другом...

Трое шли на Голгофу. Каждый из них нес свой крест.

— Свет поправьте! — кричал Режиссер. — Я их лиц не вижу, поправьте свет! Вот так...

Тяжелей всего было идти Ему. Его шатало из стороны в сторону, раны Его кровоточили, но Он упрямо шел вперед, к Своей мучительной смерти.

«Как странно, — подумал Режиссер. — Никто даже не пытается взять у Него интервью. И я никогда не дам такого распоряжения... Почему? Как странно...»

Один из репортеров стоял около группы женщин.

— Мы видим здесь, — радостно улыбаясь, говорил он, — людей, которые были близки Одному из преступников. Его мать по имени Мария и Его подругу — тоже Марию, которая приехала к нам из Магдалы. Я обращаюсь к матери преступника: скажите, пожалуйста, что вы испытываете в этот момент?

Мать Мария посмотрела на репортера. В ее взгляде не было ни гнева, ни злобы.

— Храни тебя Господь, — вот и все, что Она сказала.

Сзади кто-то осторожно тронул Режиссера за плечо, — это был лысый журналист, посланный к Иуде из Кириафа.

— Принес интервью? — спросил Режиссер, чувствуя, что спрашивает напрасно. — Где кассета?

— Тут такое дело, — замялся репортер. — Иуда из города Кириафа пошел на кладбище для пришельцев под названием, под названием... — Лысый замялся, вспоминая название кладбища.

— Акендама, — подсказал Режиссер. — Что в переводе означает «земля крови». И что?

— Да-да, правильно. Я специально записал. Он удавился там на осине. Я пытался поговорить с ним, но он был уже совершенно мертв.

— Почему он удавился именно на этом кладбище, и именно на осине? — истерично заорал Режиссер.

Репортер недоуменно пожал плечами и в испуге отошел.

«Итак, нас уже четверо, понимающих, что происходит здесь, — подумал Режиссер. — То, что один из нас мертв, дела, в сущности, не меняет».

А Он то падал, то вновь поднимался. Но этот взгляд — взгляд, устремленный в Себя, взгляд, как защита ото всего, что вокруг, — этот взгляд оставался таким же твердым.

Из толпы выдернули человека и заставили помогать Ему нести крест.

— Это Симон из Киренеи, — зашумели вокруг. — Надо же, человек пришел поглазеть на казнь, и — на тебе: заставили идти на Голгофу.

Режиссер поймал себя на том, что почему-то завидует этому Симону из Киренеи.

Вокруг Симона уже вились репортеры.

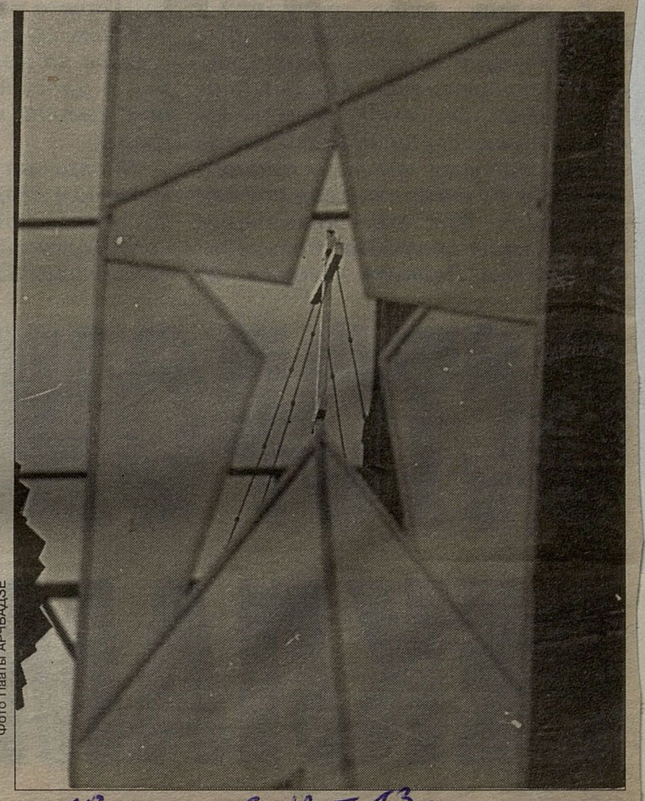

Фото Пааты АРЧВАДЗЕ

— Что вы испытываете в этот момент?

— Вам нетрудно было бы крест немножко переложить, а то вашего лица не видно совсем. Еще чуть правее. Спасибо.

— А крест тяжелый? Вдруг самому когда придется... Ха-ха-ха...

— А как вы относитесь к борьбе зилотов за свою независимость?

— Пожалуйста, крест чуть-чуть правее... Вот так хорошо... И вот так и держите, если нетрудно... Большое спасибо.

Симон ничего не мог ответить. Он только тяжело дышал и испуганно оглядывался по сторонам.

Но репортеры не унимались:

— Расскажите немного о себе: вы женаты? Где сейчас ваша жена? Она вас видит? Вы можете передать ей привет!

— Кем вы работаете?

— Говорят, вы — наш гость из Киренеи. Расскажите о вашем родном городе.

Симон начал плакать. Слезы текли по его испачканному дорожной пылью лицу.

И тогда Он поднял голову и посмотрел вокруг. Это был взгляд откуда-то изнутри. Это был взгляд острее ножа и тяжелее меча.

Никто не смог выдержать. Его взгляда. Вмиг опустело пространство вокруг идущих на казнь.

Симон перестал плакать и даже как будто пошел быстрее.

В толпе, которая продолжала кричать и радостно улюлюкать, возник репортер. За руку он держал какого-то человека.

— Нам удалось встретиться с одним из тех, кто был близко знаком с одним из преступников. — Репортер улыбался, давая всем понять, что он чрезвычайно гордится своей профессиональной победой. — Вас зовут Закхей, если не ошибаюсь?

Человек молча кивнул.

— Насколько мне известно, вы работали сборщиком податей, но после встречи с Ним отдали бедным половину своего имения?

Человек снова кивнул.

— Это очень благородно... Во-первых, я хотел узнать у вас, что вы чувствуете в этот момент? И сразу же второй вопрос: не жалеете ли вы о том, что случилось? На что вы сейчас живете? Ну и вообще...

Закхею наконец удалось вырвать свою руку из цепких рук репортера.

Он посмотрел на журналиста. Взгляд его источал доброту, в нем не было и тени злобы или раздражения.

— Молитесь, чтобы Господь простил вас, — сказал Закхей. — Молитва дарует прощение.

Он трижды поцеловал репортера и отошел.

Режиссеру стало страшно.

«Нет, — подумал он. — Нас не четверо, понимающих, что здесь происходит. Нас гораздо больше. Гораздо. Только те, кто понимает, молчат, и потому их не видно. Непонимающие всегда заметней».

Людей уже прибили к деревянным крестам, кресты подняли над Голгофой.

— Внимание! — закричал Режиссер. — Мотор! Свет! Гвозди — крупным планом. — И повторил зачем-то: — Мотор! Свет! Гвозди — крупным планом!

«Что я творю? — подумал он. — Господи, что я творю!»

А репортер, встав так, чтобы за его спиной были видны все три креста, радостно сообщал в камеру:

— И вот наконец наступил кульминационный момент казни! Все три преступника подняты на крестах. Вы, наверное, знаете, что ходили самые фантастические слухи по поводу Одного из преступников. Отсюда я даже слышу, как двое других обращаются к нему: мол, где же Твой Отец? Почему Он не спасает ни Тебя, ни нас? Наивные люди... Все жители Иудеи знают: преступление обязательно будет наказано, и никакие силы не смогут помешать неотвратимости наказания. Чуда не произойдет!

...На следующий день Режиссер посмотрел рейтинг.

Ноль.

Он не поверил своим глазам.

Ноль.

Никто не смотрел репортаж о казни — все были на Голгофе или молились в других местах.

«Чему я удивляюсь? — спросил себя Режиссер. — Народ хотел быть на казни, потому что чувствовал значимость события. Они всегда чувствуют, что делать надо, а что — нет. Хотя, конечно, и не ведают, что творят... На Голгофу их привела Сила, которая куда мощней, чем сила телевидения... Ну ничего: я еще окончательно не проиграл».

Режиссер понимал, как будет неистовствовать первосвященник Каифа, как будет драть горло:

— На что ты тратишь деньги?! Это безобразие!

Но Режиссер знал, что ему ответить: он придумал сенсацию.

У НЕГО В ЗАПАСЕ ЕЩЕ ОСТАВАЛСЯ ВАРАВВА.

●

Книгу Андрея Максимова, в которой речь идет не только о проблемах телевидения и религии, а например, и о собаках, вы можете получить через отдел распространения «Новой газеты» (тел.: (095) 923-54-75).